

ПО СТАЛЬНЫМ ПУТЯМ

Рассказ

Я, доктор Николаев, закрываю глаза плотно, с усилием, и вот:

- пригвождено ко кресту огромное истерзанное тело. Это тело моей родины. Дымится оно миллионом кровавых язв. Но радостно приемлет она крестные муки, и вера живая сияет в ее голубых глазах. Ибо на кресте надпись:

- радуйтесь, народы земли, через меня спасется род человеческий.

А две тысячи лет назад, и тоже во имя спасения рода человеческого, распял себя Христос, и сказано о том великим русским провидцем:

- Была минута: среди земли стояли три креста и к ним были пригвождены три человека; один из них до того верил, что сказал другому: завтра ты будешь со мною в раю. И умерли оба и не нашли ни рая, ни ада.

(Из записной книжки доктора Николаева, - интеллигента.)

I. Небо и земля.

В ночи - бледная равнина. По бледной равнине - поезд. Над поездом несется небо, глухое, пустое, огромное - несется как исполинский провал, как глухая впадина и небытие. Из глухой впадины сползает, свисает грузная тьма. Давит на поля, на города, на мозг, на сердце. Во всей глухой впадине - ни одной звезды. Тьма без начала, без конца.

А на земле иное!

В мартовскую ночь тысяча девятьсот двадцать второго года скорый "Петроград-Москва" глотает шестьдесят верст в час. Шестьдесят верст! На середине перегона - семьдесят!! Мутно, как видения, несутся бледные поля в снежных плащах. Бледные поля бледно отблескивают. И тьма над ними другая: синеватая и живая.

Земля не похожа на небо!!

Паровоз ревет железным ревом. Паровоз, обезумев, несется по бледной равнине сквозь ночь и ветер. От паровоза несутся крупные красные искры. Искры с налету бьются в снег, долго не тухнут. Во тьме глухо свистят телеграфные столбы, одиночки-деревья, сторожевые будки с зелеными огоньками в окнах. На снежных плащах туманятся силуэты лесов. Где-то между ними притаились деревни, села, - тысячелетние, упорные, корявые, теперь переваривающиеся в реторте Революции.

Земля не похожа на небо!!!

Поезд ревет железным ревом. Поезд, обезумев, несется по бледной равнине. Вагоны рвет, бросает, кидает. Под вагонами - железный вихрь колес, треск, грохот, лязг, удары железа о железо. У поезда миллион железных мускулов и каждый мускул разгорячен. Поезд обезумел.

А на соединительных щитах между двумя вагонами - человек. О кожаную куртку бьются крупные красные искры - человек не видит; мимо несутся бледные поля в снежных плащах - человек не видит. Руки человека впились в железные поручни, как впиваются в горло. Под пальцами поручни извиваются судорожно. Под ногами судорожно извивается железный щит. Человека бросает, кидает, срывает. А человек сопротивляется, - сопротивляется бессознательно, инстинктивно, упорно, и в сопротивлении костенеет. В лицо бьет ветер. Снизу из-под вагона рвется железный вихрь колес. Сердце человека от непосильной борьбы растягивается, - растягивается, как кусок резины. Изнутри поднимается стихийное. Стихийное галопом несется в грохочущей крови, заволакивает глаза, слепит мозг.

Полтора часа назад человек вышел на площадку из купэ. В купэ было уютно, светло, тепло. На диване сидел сорокалетний доктор. Сорокалетний доктор вел с человеком в кожаной куртке, - товарищем Борисом, едущим по служебной командировке из Смольного, - пьяные, долгие, бестолковые, русские разговоры.